

СОЦИАЛИЗМ В БОЛГАРИИ. ЛИТЕРАТУРА И ИНСТИТУЦИИ

Алипиева А.

*Шуменский университет «Св. Епископ Константин Преславски»,
Варна, e-mail: alipievaan@abv.bg*

В эпоху социализма институции – государственно-идеологические и частнолитературные – выполняют охраняющую официозную роль, защищающую воображаемую идею о чисто социалистическом обществе и литературе, преданно «отдавшуюся» социализму. Но под официозными масками проскальзывает яркое несогласие, несоответствие между официозным и неформальным культурным языком, что приводит к эмансипации литературы и к падению режима в конце 80-х годов XX века.

Ключевые слова: социализм, институции и литература, официозные и неформальные культурные языки

SOCIALISM IN BULGARIA. LITERATURE AND INSTITUTIONS

Alipieva A.

Shumen University «Konstantin Preslavski», Varna, e-mail: alipievaan@abv.bg

In the socialist era the institutions – state-ideological and literary – perform guarding official role, protecting the idea of a purely imaginary socialist society and literature, faithfully «committed to socialism». But under the officious mask slips bright disagreement, discrepancy between the official and unformal cultural languages, which leads to the emancipation of the literature and to the fall of the regime in the late 80-ies of XX century.

Keywords: socialism, institutions and literature, official and unformal cultural languages

Если предположить, что национальная литература является живым существом, ограниченным рамками воображаемого национального государства, мы невольно встретимся с самостоятельностью этой литературы и в то же время – с ее бесконечными зависимостями от внешних конъюнктур. Если есть что-либо специфическое, что являлось бы самостоятельной темой в литературе при социализме, то это была бы организованная сеть внешних факторов, которые пытаются манипулировать литературой. Никогда и ни в одном обществе так не происходило – эти факторы не имеют реальной возможности сделать литературу «ручной», лишив ее полной самостоятельности так, чтобы она не испытывала никаких собственных желаний. Объединенная социалистическим реализмом, литература сегодня представляет собой воображаемую идею того времени, которое считает, что общество имеет возможность породить или убивать метапространства и исключает возможность того, чтобы эти самые метапространства создавали или убивали разные общества. Эта перевернутая визия о жизни, обществе и искусстве, (снова рассмотренных в рамках государства), создает огромную иллюзию о вездесущей власти. В момент, когда рухнул социализм, она порождает антиутопию о том, что во второй половине XX века в болгарской литературе все протекает однозначно и что патетику необходимо симметрично заменить отрицанием.

Если проследить великий рассказ о литературе времен социализма, можно увидеть, что после кратких и жестоких репрессий

против существующих тенденций и авторов, период начинает ковать свой героический миф о социализме в болгарском человеке и о болгарском человеке в социализме. Прославление героя не является неизвестным для нашего культурного сознания, которое обладает огромной памятью о времени болгарского возрождения и героическом национальном мифе. В 20-е и 30-е годы XX века этот миф был глубоко исследован как быт, образ жизни, менталитет и исторические особенности. Вообще трагическая изоляция малого и экзотического пространства, каким является болгарское, порождает свой антипод – героическую, масштабную монументальность. Такая монументальность в своей исторической вариативности реализуется через значимые исторические жесты и с помощью больших, сильных и творческих людей-идей, являющихся эмблемами целых исторических эпох и поддерживающих их институций. В 50-е годы XX века любимый всеми болгарами национальный миф с его трогательной патетикой, с выстраданной им горечью отчаяния и комплексом создания гордости, веры и надежды в будущее, заменяется другим, уже насильственно навязанным и объявленным официозным героическим мифом о социалистическом человеке и созданным им «абсолютным» обществом, вне которого нет больше ничего, поскольку оно совершенно.

Одну из своих документальных статей Здравка Ракова начинает так: «Первое официальное вмешательство в творческий процесс болгарских писателей – со стороны Георгия Димитрова. В газете «Литературный

фронт» было опубликовано письмо Г. Димитрова из Москвы, адресованное болгарским писателям. В этом письме он ставит перед ними и болгарской литературой нескольких ключевых задач: литература должна быть правдивой и эмоциональной; преданной своему народу и внушающей героизм; обладающей пан-славянской идеей, с акцентом на величие советского народа; бичующей буржуазию. Георгий Димитров обязывает Союз болгарских писателей «поощрять всяческие настоящие таланты» и с помощью «...здоровой литературной критики очищать болгарскую литературную ниву от вредных сорняков, чистить ряды болгарских писателей от некомпетентных, бездарных и всех видов литературных торгашей».¹

Использование литературных институций в период социализма находится в тесном контакте с государственными институциями, которые в свою очередь являются в высшей степени политическими и крайне идеологическими. От литературы и производных от нее институций ожидается «движение» по заданному пути. По этому пути героическая культура и культура бескомпромиссного несогласия с другими и их полное отрицание, являются ожидаемыми моральными, идейными и смысловыми ядрами, на которых зиждутся литературные институции времени. Это заложено в официальном государственном плане, воспринимающем всю культуру как «земное отражение» своего божественного абсолюта. Такие вещи известны как менталитетные механизмы еще со времен культурной модели болгарского возрождения, подчиненной, однако, национальной идеологии. Поэтому, официальное (полностью принудительное) в известном смысле переходит в естественное (традиционно унаследованное). Такой вывод представлен и Ивайло Знепольским: «Коммунистическая идея оказалась не только понятной, но и приемлемой для широких слоев в Болгарии в военное время и после 9-го сентября. Массированная пропаганда успешна, так как она попадает на благодатную почву глубоко укоренившегося эгалитаризма традиционной болгарской сельской культуры. Учитывание этого обстоятельства помогло бы нам понять, почему общество в значительной степени добровольно попадает в ловушку тоталитаризма [...], богатые люди и культивированные прозападные элиты зажаты, и это подходит бедняку. Зависть легко превращается в ненависть».²

¹ Димитров Г. Письмо до българските писатели – в: Литературен фронт, бр. 29, 25. 05. 1945.

² Знепольски И. Българският комунизъм. Социокulturни черти и властова траектория, Сиела, 2008, с. 78.

Литературные институции основываются на идеологии, национализации, моноэстетическом культурном языке и... бытовизме. Если прибавить и сдвиг влево в нашем культурном сознании в период меж двух мировых войн, и неискоренимое русофильство среди широких народных масс, имеющее свои корни еще в эпоху Возрождения, то то, что происходит с болгарской литературой в эпоху социализма имеет и более рациональное объяснение.

Если сегодня эпоха социализма оценивается скорее конъюнктурно с «обязательным» знаком минуса, то между двумя мировыми войнами социалистическая идея, или еще точнее – левая социальная идея переполнялась утопией о социальной справедливости и братстве между людьми. Идеализм, утопическая наивность являются частью и психологического, и исторического, и культурного пейзажа 50-х годов XX века, которые в Болгарии являются временем жестокого насилия и нарушения естественного развития литературы. Также они являются и утопически-патетичными, поддерживаемые верой в то, что общество может превратиться не только в идейный, но и в натуральный абсолют. Во время этого почти начального для социализма десятилетия сплетается тоталитарная сеть общества, а литература считает себя надстройкой утопической зоны, являющейся зеркалом «нового» общества, поэтому и институции так зорко бдят над «светлым» отражением жизни. Каждое зеркало, отличающееся от утопии и иллюзии, что бытие является монополью, санкционировано какими-либо образами (известны концентрационные лагеря; критика, которая стояла на страже; увольнения, маргинализация, умалчивание и т.д.). Известны способы коррекции литературного зеркала, которое должно «прямо» глядеть в «совершенные» формы утопии. Кстати, и идея о «новом» имеет свои коренные предпосылки в болгарском сознании. В историческом плане болгарское бытие всегда было ограничено рамками преодоления, что мотивирует «новое», как актуальное и желаемое – как конъюнктура. Вот как «новое» социалистическое общество провоцирует комплекс об актуальной значимости и быстро придает иллюзии зловещий смысл «новой» литературы, которая бы заменила уже устаревшие ценности, такие как, например, «буржуазные авторы». Стенограмма одного из заседаний партийной организации Союза болгарских писателей рассказывает, что «буржуазные идеи» господствовали на заседаниях секций, поскольку коммунисты не посещали их.³

³ ЦДИАРБ, 357-Б/1/11 л. 28, 33, 36, 37, 49, 52.

Это в духовном плане. А в бытовом плане – предложение из дневника Бориса Делчева, который в реальной знаковости доказывает как «новое» буквально «вдруг» может заменить старое: «Встречаю хрупкую некогда Таневу, мою землячку, вооруженную пушкой, бомбами и в повстанческой форме. Она – новая женщина».⁴

Одновременно с этим, еще в этом первоначальном десятилетии происходят важные прорывы в официозе и в его догматизированной и ожидаемой зеркальности самой утопии. Одним из них является движение в сторону реабилитации литературного наследия и несправедливо обвиненных «буржуазных» авторов конца XIX и начала XX века. Другим прорывом была советская кампания против «теории бесконфликтности», приведшая к обескровливанию советской драматургии.⁵ Так что еще в самом начале литература при социализме подает знаки того, что «теория бесконфликтности» скоро станет официальной маской институций. На самом деле, бесконфликтность, хотя и происходит от постулатов коммунизма, имеет свои корни в болгарском сознании. Воспитанная во времена рабства эгалитарность порождает нетерпимость к тому, кто может преуспеть, уже преуспевающему или желающему добиться успеха. Об этом свидетельствуют национальные тексты не только XIX, но и первых десятилетий XX века, которые известны как болгарское «коренотырсачество», т.е. поиск своих корней. Это, в свою очередь, естественно, объясняет патернализм, необходимость патриархальной культур в представительных лицах, которые бы внушали ей ее этику и эстетику.

Во времена социализма патернализм ярко проявляется благодаря персонифицированным социалистическим фетишам, в которые были превращены социалистические лидеры, начиная с истории сопротивления до государственных и партийных вождей, которые были у власти, от партизан – живых и мертвых – до событий, которые выдвигали на первый план героико-мученическую культуру этой эпохи. Превращенные в иконы, лица коммунистической идеи лишены любых человеческих страстей, вообще любого человеческого облика. Они, застывшие в божественной позе осуществленной идеи, повешены в виде картин на стену. Так администратор и искусство сливаются не только по закону навязанных режимов, но и по некоторой внутренней инерции персонализма, который по

существу является политикой покровительства в той или иной области, когда создаются отношения неравноправного партнерства или попечительства. Вылко Червенков, например, показывает как персонализм растет с повышением постов: Червенков рассказал, как он резко вмешался в работу Национального театра, не одобряя некоторые моменты в отношении современных болгарских пьес. «Товарищи критики, – сказал он, – так или иначе чувствуют себя связанными с этой оценкой. Во-первых, не нужно чувствовать себя связанными. Я не высказывался в литературном журнале или газете, а в определенных официальных кругах, на театральной репетиции.»

Это было хорошо сказано, может быть, Червенков был искренен в тот момент. Вскоре после этого, однако, особенно, став первым человеком в стране, он начал «компетентно» высказываться, навязывать мнения, которые автоматически становились обязательными для всех деятелей литературы и искусства».⁶ До конца 80-х годов XX века известны встречи Первого секретаря Коммунистической партии Тодора Живкова с болгарскими писателями. Встречи, которые имеют тот же надзирательский подчинительный характер, хотя и власть, и искусство уже преодолели начальную фазу прямых приказов и вошли между собой в стадию флирта.

Если 50-е годы – это время построения «нового», и в этом смысле граница преодолевается с применением насилия, то следующее десятилетие – знаменитые 60-е годы являются интересной интеграцией официозного и естественного в том смысле, что начинают особо не мешать друг другу. Впрочем, Ивайло Знеполски называет это «консенсусом норм режима».⁷ Институции до того нагружены властью и монополией, что люди просто привыкают к ним. Естественное начинает разрушать официозно-насильственное и началом этого процесса единогласно и в историческом, и в духовном плане считают Апрельский Пленум Коммунистической партии 1956-го года, после которого приходит определенная либерализация духовных процессов и искусства в целом. Институции становятся более терпимы к отклонениям от социалистического канона и его нормативной эстетики, ограничивающей визии, идеи и сюжеты до темы «нового» амплуа человека в «новом» социалистическом обществе рабочего класса. В марте 1963 года, например, на за-

⁴ Делчев, Б. Дневник, С., 1955, с. 23.

⁵ Цитировано по Мигеву, Вл. Българските писатели и политическият живот в България (1944 – 1970), С., 2001, с. 67.

⁶ Цитировано по Мигеву, Вл. Българските писатели и политическият живот в България (1944–1970), С., 2001, с. 6.

⁷ Знеполски, И. Цит. кн. с. 227.

седании правления Союза болгарских писателей преобладающий пафос в том, что налицо – расширение горизонта проблематики, мировоззрения и выразительных средств в литературе подрастающего поколения; что нет ничего страшного в преломлении нормативной эстетики; что данный факт гарантирует эволюцию в искусстве. В том же году состоялась и сокрушительная речь Тодора Живкова, которая клеймит ряд болгарских писателей и их произведения. Либерализация и застой находятся в смертельной битве, но ... на территории институций. А так в художественных текстах болгарской литературы происходит взрыв огромного эстетического разнообразия, текут жизненные соки глубинных энергий, бушует спонтанное естественное мировоззрение, которое с размахом рождает основные мифы или основывается на мифах досоциалистической литературы; университетская мысль, ищущая современные адекватные теоретические школы, поднимает голос из кабинетов – формируется уже новое поколение, которое в 80-е годы XX века коренным образом заменит спонтанную культурную модель моделью рационального знания; в литературную жизнь вторгнется обширная переводная литература, с помощью которой болгарская культура будет иметь возможность подпитываться от основных актуальных мировых творцов и эстетики.

Так, очень скоро характерный для болгарской литературы патернализм трансформируется и социалистические иконки заменены другим видом почтения. Фигура Поэта возвышается как духовный контрпункт воплощенных фетишей режима, полных конкретной историей, конкретным временем и конкретным использованием. Вообще обычные будни серьезно затруднены злободневными потребностями социалистического общества и естественно появляется необходимость духовного противовеса ограниченных во времени иконических тел и лиц. Создаются камерные литературные кружки, дистанцированные от официоза с точки зрения мышления, что-то вроде литературной ереси, которую трудно контролировать, поскольку ее поведение еще не вышло из общественного канона. Важная и священная фигура Творца представляет собой высшую идею индивидуальности, которая сочетает в себе эмпирическую жизнь в ее неоднозначности и практической безалаберности и представляет его как свой метаобраз. Есть и еще что-то в популярности этой идеи: она – одно из направлений, которое дает возможность оппонировать попытке представить литературу только

с помощью крепкого идеологического языка, который используется частью институций при описании литературного процесса. Это противоположно официальному заявлению, что литература создается под влиянием внешних факторов. Вообще романтика и утопия Творца как гения, как поглотителя культурной энергии, является контррутиной того, что литература может быть дирижирована, направляема и санкционирована. Достаточно пересмотреть современные исследования о литературной жизни и психологии литературы при социализме, чтобы увидеть, что само государство поддерживает активность этой контррутины. Государство акцентирует, покровительствует и лучше оплачивает артистические профессии, что объединяет творческие гильдии в элитарное общество, тогда как сами общества мифологизируются, самопредставляясь одним из лиц национальной идеи.

Поэт создан до своего творения, он не только одинокая и страдальческая личность, стремящаяся к совершенству. В 70-е годы – это фигура, осыпанная ненавистью и страхом за то, что знает и умеет. В эссе Цветана Стоянова «Гений и его наставник» все происки правительства и его чиновников, виснут беспомощно перед моральной силой и прозрениями Творца, который один устанавливает реальность, непобедимую в своей духовности, в своих глубоких погружениях в принципы добра и зла. Так, над Поэтом тяготеет не только сверхзадача по стремлению и овладению конечной цели. На его плечах – и вся ненависть тех, чьи пороки он увидел и выставил всем напоказ. Биография Поэта не рассказывает о самом поэте, а ставит диагноз. Поэтому Творец необычен, даже страшен, потому что массы интуитивно видят, что они расшифрованы, как уже давно известный мир, погрязший в тупике обыденного, банального, серого. Поэт с большой буквы является исключением, которое создает новые миры. Если эта тема в 60-е годы реализуется, как Поэт-бард, исключение или Гений, который (легитимизирует) общество, идеологию, класс, то в 70-е годы Гений или Поэт узаконивает духовное, метафизические глубины, которые литературные институции все еще продолжают недооценивать. Как видно в этот период «диссидентов» становится все больше, писательская и артистическая среда постепенно перестают быть аморфной общей массой, личности поднимают голову, самостоятельные гражданские поступки умножаются, радикальное несогласие с установленными общественными и литературными институциями овладевает вербальные рассказы об образе жизни,

обществе и нравственности, и как будет видно впоследствии, находит свое выражение в мемуарах и дневниках. Инакомыслящие личности со своей гражданской позицией в реальной жизни в литературных текстах имеют свой аналог в лице Поэта, отличающегося от других, являющегося оком пороков, корректором конъюнктурной реальности, антиподом бытовизма. «Маленький человек» – не в почете в эстетическом и этическом плане в мировоззрении 60-х и 70-х годов. Патерналистская модель порождает Лидера, Поэта, являющимися фигурами с миссией в общественной и духовной жизни Родины, потому что, опять же, как мы уже говорили, национальная идея все еще возносит болгарскую литературу в качестве приоритетной области реализации культурной энергии.

Вот почему поэты, пишущие о Поэте с большой буквы, вкладывают неоспоримую биографичность в эту поэтическую фигуру. Цитируя одну из отличных студий Инны Пелевой,⁸ отметим, что роли исключительных личностей в болгарской поэзии еще до рассматриваемого десятилетия заняты Поэтом-революционером, Поэтом-национальным идеологом, Поэтом-любовником, Поэтом-экзистенциальным страдальцем. Рассмотрим также 60-е годы и существующие в этот период Поэта-барда и Поэта-строителя общества. Эти роли распределены в соответствии с культурными традициями в болгарской литературе, конечно же, в тесной зависимости от общественного контекста, породившего их. Поэт-дух, Поэт-метафизик остаются в 70-х годах XX века. Это перерастает в «авторскую позицию», и мы будем использовать этот тезис и для периода 70-х годов, поскольку именно в фигуре Поэта десятилетие унаследовало мифические механизмы поэтического автобиографизма, который, кроме как в художественных текстах, сильно сказывается и в поведенческой модели, и литературном быте. Все, живущие в 70-е годы по эмпирическим понятиям, припоминают характерную одежду и поведение писателей и еще массу людей, претендующих стать писателями (в смысле узаконивания этого с помощью соответствующих институций): бороды, курительные трубки и, если таковые не имелись, то сигареты, небрежная артистическая одежда – джинсы массово вторгаются в качестве артистического атрибута, свитера и гораздо реже – шарфы, но, это последнее не обладало «вирусным распространением», по-

скольку ставило под сомнение балканскую мужскую идентичность.

В духовном аристократизме Поэта не стоит семейная или культурная традиция. Само его рождение уже является событием, и только после этого используются все социальные пируэты, с помощью которых он может быть представлен и узаконен в обществе и в институциях, как Поэт, признанный государством и вписанный в официальный блокнот Союза болгарских писателей. Но художественные тексты этого уже не учитывают; оно остается в сфере эмпирической жизни, в литературном быте, просачивается в механизмы литературной жизни и в борьбу за административную (в те времена администрация часто навязывала свою точку зрения литературной жизни) иерархию. Одно можно сказать наверняка: литература 70-х годов прошлого века предоставляет болгарской лирике непобедимую духовность Творца, которая морально побеждает временную власть институций. В этом смысле и телом, и душой они остаются двумя антагонистическими величинами.

60-е и 70-е года XX века показывают радикальное несоответствие между поэтическими, прозаическими, критическими текстами и институциональным культурным языком. Последний в течении этих десятилетий, несомненно, силен, поскольку институции не только идеологические, но и государственные, использующие механизмы практической власти. Институциональный язык наносит удары литературе, но получает удары и от самой литературной жизни, поскольку последняя уже показала, что в своей истинной художественности не поддается контролю. В литературном быте вербальный язык несогласия и вовсе набирает силу – не только с литературными институциями, но и с государственным режимом. Комментирование событий по домам «при закрытых дверях» набирает силы и достигает своего апогея в 1971 году взрывом «дела Солженица», а в 70-е годы исследователи вообще уже говорят о наличии болгарского диссидентства в литературных кругах. Евгения Иванова дает диссидентству истинную оценку: «[...] диссидентство является нравственной, не политической категорией». Оно – «нравственный эгоизм», «способ спасти себя, сохранив желанную визию о собственном «эго». Это – «невозможность жить во лжи [...]».⁹ Художественные тексты являются уже испытанным убежищем для истинного творческого «я». Но

⁸ Пелева И. Биография, тривиален мит и литературна история – в: Четени текстове, Пл., 1994, С. 92–129.

⁹ Иванова Е. Българското десидентство 1988 – 1989, ч. 1, 1997, с. 13.

это все более становится недостаточным, и молчание по отношению к институциональному языку, дистанцирование от него, маргинализация административных иерархий (как личный выбор или вынужденно) сопровождаются явными жестами инакомыслия, которые в 80-е годы сформируются уже непосредственно в виде открытых брожений и беспорядков, приведших к свержению коммунистического режима. Приходит время неформальных организаций, которые говорят не на альтернативном, а на радикальном культурном языке.

Заключение

Один из мифов конца этого века – это миф о том, что литература в условиях социализма является эстетически односторонней и идеологически зависимой. С 60-х годов прошлого века эстетический плюрализм – не только факт. Само понятие литературности обособляется в совершенно отдельную область, допускающую или недопускающую внешнее вторжение насильственно применяемых культурных языков. Так, литературное сообщество изнутри разделяется на административно значимых писателей и художественно значимых писателей, на моральное и аморальное личное поведение. С сегодняшней точки зрения, эти категории являются абстрактными, но с точки зрения того эмпирического времени (это зафиксировано в мемуарах, дневниках, письмах) они ярко насыщены смыслом и бессмысленностью, национальной культурной каузой и отсутствием таковой. Такие полюсные значения, однако, типичны для чрезмерно идеологизированных времен, тогда, когда жизненно важным было отстоять идею, с целью доказательства ее превосходства над другими идеями.

Если в 50-е годы прошлого века политика на «службе у народа» является социальной, культурной и идеологической и превращена в один из мифов того времени, то миф XXI века повествует о том, что эта политика была полностью насильственной. Большая часть интеллигенции в период

между двумя мировыми войнами – левая по мировоззрению, и снова именно большая часть интеллигенции после 1945 года «платит налог» химере «светлых идеалов коммунизма». Все это длительное время формирует поведение болгарских писателей и их публичные жесты, синхронные с деятельностью институций. Факт удобен для сегодняшних мифов, рассказывающих о том, что наша литература во времена режима являлась продуктом единственно культурного официозного языка. Отклонения от его эстетической и идейной нормы сопутствуют движению официальных литературных и государственных институций, ослабляют их власть до полного культурного и идеологического прорыва и в течение 50-ти лет формируют разнообразные эстетические линии, выводят важные критические и культурные идеи, лежащие в основе естественного движения нашей литературы прошлого века. Не проявляя радикальных публичных жестов, не публикуя многочисленные биографии инакомыслящих писателей, при отсутствии глобальных болгарских событий, подобных венгерским, чешским и польским, болгарская литература довольно тайно и изощренно достигает своей внутренней свободы. Это она делает с целью того, чтобы оставить в нашей культурной эволюции эстетические откровения и важные идеи.

Список литературы

1. Съюзът на българските писатели: страници от историята му (1945–1948) – в: Електронно издателство LiterNet, 12.07.2004. Култура и критика. Ч. IV: Идеологията – начин на употреба. Съст. Албена Вачева, Йордан Ефтимов, Георги Чобанов. Варна: LiterNet, 2004–2006.
2. Знеполски И. Българският комунизъм. Социокултурни черти и властова траектория, Сиела, 2008. ЦДИАРБ, 357-Б/1/11 л. 28, 33, 36, 37, 49, 52.
3. Мигев Вл. Българските писатели и политическият живот в България (1944–1970), С., 2001.
4. Делчев Б. Дневник, С., 1995.
5. Червенков В. За науката, изкуството и културата, С., 1953.
6. Пелева И. Биография, тривиален мит и литературна история – в: Четени текстове, Пл., 1994.
7. Иванова Е. Българското десидентство 1988–1989, ч. 1, 1997.